

ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Е. С. Замятнина

Существует ряд исследований, посвященных взаимосвязи образования и социально-политической дестабилизации, как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе. Эта тема привлекла внимание исследователей во второй половине XX в., и в наше время интерес к ней продолжает расти, но до сих пор по ряду вопросов ученые не пришли к единому мнению. Повышение уровня образованности населения, хотя и является безусловным благом, может иметь неоднозначное влияние на протестную активность в обществе. В предложенном обзоре научной литературы освещаются наиболее важные работы по этой теме, в том числе описаны использованные авторами данные, методы, полученные выводы. Отдельное внимание уделяется работам, в которых изучается взаимосвязь уровня образования и терроризма.

Происхождение и причины социально-политической дестабилизации (и терроризма как ее разновидности) – очень актуальная тема для мировой науки, и ее интенсивно исследуют ученые из разных стран. Это, в свою очередь, вполне закономерно – угроза дестабилизирующей активности является одним из ключевых вызовов современности, охватывающих весь мир. В результате рассмотрения данной проблемы с научной точки зрения были сделаны парадоксальные открытия. Показано, например, что взаимосвязь уровня ВВП и социально-политической дестабилизации имеет U-образную зависимость, то есть риск дестабилизации выше в обществе со средним уровнем достатка, чем с низким (Коротаев и др. 2016). В целом же данная тема очень обширна и затрагивает ряд научных областей – экономику, демографию, социологию, политологию, психологию, антропологию и другие, принимая междисциплинарный характер. Предлагаем обратить внимание на значимые науч-

ные работы, посвященные взаимосвязи образования и уровня социально-политической дестабилизации.

Данный обзор мы начнем с классической работы Мансура Олсона «Быстрый рост как дестабилизирующая сила», где он отмечает, что повышение уровня образования приводит к «революции растущих ожиданий», создавая, таким образом, условия для возможной политической дестабилизации (Olson 1963). Эта идея далее стала развиваться целым рядом других авторов.

Одним из ключевых исследований в данной области является «Влияние образования на отношение к протесту» Р. Л. Холла и его коллег (Hall *et al.* 1986), в котором авторы анализируют, при каких условиях образование выступает как фактор, повышающий уровень протестных настроений, при каких – напротив. Для этой цели были использованы результаты 17 опросов, проведенных в США в 1967–1976 гг. В каждом из этих наборов данных ученые выбирали элементы, относящиеся к протесту, далее проводился факторный анализ – различение основных типов отношения к протесту. Затем создавалась шкала, по которой вычислялся коэффициент, выражающий общее отношение респондента к протесту. Это число сопоставлялось с количеством лет, затраченных на обучение.

На основе данного материала исследователи сделали четыре вывода: образование уменьшает поддержку применения насилия со стороны протестующих или властей (сокращение поддержки насилия); оно же увеличивает неприятие репрессий со стороны правительства (повышение приверженности гражданским свободам); повышает уровень осведомленности об обосновании протеста; меняет положение человека в обществе, следовательно, его интересы и самоидентификацию.

В 1991 г. эта же группа авторов провела аналогичное исследование, используя данные респондентов, также проживающих в США, но на этот раз афроамериканского происхождения. Они проанализировали данные 16 опросов, проведенных в 1965–1976 гг., и пришли к идентичным результатам (Rodeghier *et al.* 1991). Несколько лет спустя в статье «Больше – это иногда меньше: влияние образования на толерантность» Р. Л. Холл и М. Родегхайер предпринимают попытку дать концептуальное определение понятиям «толерантность», «образование» и «отношение» (Hall, Rodeghier 1994).

В этих работах авторы изучают отношение респондентов с разным образованием к протесту. Существуют также работы, где анализируется взаимосвязь уровня образования и участия в антиправительственных протестах на конкретных примерах.

Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев в книге «Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы» отмечают, что наличие высшего образования у значительной доли участников Египетской революции 2011 г., по их мнению, повлияло и на характер течения революции, которая отличалась в том числе относительно невысоким количеством пострадавших. Например, в другом египетском «хлебном бунте» 1977 г. количество участников беспорядков исчислялось сотнями тысяч, а не миллионами, как в 2011 г., но он тем не менее принес больше жертв среди населения (Гринин, Коротаев 2012; см. также: Коротаев, Зинькина 2011).

Эти выводы созвучны результатам описанной выше работы Р. Л. Холла и его коллег (Hall *et al.* 1986), в которой говорится о том, что с повышением уровня образования растет интерес общества к протесту, но также и отторжение этим обществом применения насилия. Они созвучны и результатам исследований Л. Е. Гринина и его коллег, показавших, что более высокая доля студентов в населении коррелирует с интенсивностью мирных демонстраций в большей степени, чем с интенсивностью массовых беспорядков (Гринин, Билюга и др. 2017; Гринин, Малыженков и др. 2017).

Т. Азенг и Т. Його в своей работе «Молодежная безработица, образование и данные о политической нестабильности в некоторых развивающихся странах в 1991–2009 гг.» исследовали 40 развивающихся стран на разных континентах (Azeng, Yogo 2015). Анализировалось влияние уровня безработицы среди молодежи на политическую стабильность. Исследователи пришли к выводу, что в тех странах, где средний уровень образования выше, насилие в ходе протестов применялось реже.

А. В. Коротаев, С. Э. Билюга, А. Р. Шишкина в статье «ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ» сообщают о том, что существует статистически значимая положительная корреляция между уровнем образованности населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций для стран с подушевым доходом до 20 тыс. долларов (на материале данных за

1980–2014 гг.). В этом эмпирическом тесте уровень образования измерялся в годах, затраченных на обучение, от 0 до 14. Особое внимание обращает на себя тот факт, что на границе пяти лет, затраченных на обучение, уровень количества антиправительственных демонстраций резко и скачкообразно повышается. Т-тест с использованием полученной дихотомии (продолжительность образования менее пяти лет/более пяти лет) в тех же странах также выявил положительную корреляцию. Авторы статьи отмечают, что «в странах, где средняя продолжительность обучения превышает пять лет, вероятность возникновения мощной волны антиправительственных демонстраций в три с лишним раза выше, чем в странах со средней продолжительностью обучения менее пяти лет» (Коротаяев и др. 2017: 132). Тем не менее авторы статьи подчеркивают, что необходимы дальнейшие изыскания в этой области, так как найденные корреляции не полностью объясняют механизмы влияния образованности населения и уровня ВВП (Коротаяев и др. 2017; см. также: Korotayev *et al.* 2018).

В работе «Политический порядок в меняющихся обществах» Сэмюэл Хантингтон, многие работы которого также стали классическими, пишет: «Вообще, чем выше уровень образования безработных, отчужденных и в других отношениях неудовлетворенных жизнью людей, тем более крайние формы принимает их дестабилизирующее поведение. Отчужденные выпускники университетов готовят революции; отчужденные выпускники технических училищ и средних школ планируют перевороты; отчужденные люди, получившие начальное образование, оказываются участниками более распространенных, но менее значительных форм политического протеста» (Хантингтон 2004: 65).

В. Г. Иванов в статье «Естественный уровень образования» подчеркивает, что получение высшего образования, с одной стороны, является занятием для молодых людей, с другой стороны, люди, получившие высшее образование, но не нашедшие работы, создают угрозу для стабильности политического режима. По мнению автора, ситуацию, при которой существует разница между количеством выпускников и количеством квалифицированных рабочих мест, можно характеризовать как зону напряженности. Автор вводит понятие «естественный уровень образования», при котором эта разница может быть нивелирована. По мнению исследователя, при

достижении этого «естественного уровня» вероятность дестабилизации в данном обществе может быть снижена (Иванов 2011). Во второй части статьи автор анализирует конкретные случаи – США после Второй мировой войны, революции в Тунисе и Египте в 2011 г., современная Россия. В этих случаях, по мнению автора, нарушение «естественного уровня образования» может являться одной из причин политической нестабильности (Он же 2012).

Стоит отдельно сказать несколько слов об измерении уровня социально-политической дестабилизации, так как существует несколько подходов к решению этого вопроса. Для измерения уровня образования существует ряд количественных показателей – среднее количество лет, затраченных на обучение, доля грамотных людей, доля получивших среднее образование и др. Явления социально-политической дестабилизации, такие как протесты или террористические акты, разнородны по своей сути. В них может быть задействовано от одного человека до сотен тысяч, методы воздействия могут быть относительно мирными либо агрессивными, количество жертв также может сильно варьироваться. Разные авторы решают задачу с измерением этих явлений по-своему.

Например, экономист Альберто Алесина и его коллеги в работе «Политическая нестабильность и экономический рост» для измерения уровня социально-политической дестабилизации используют присвоенное числовое значение для каждой страны путем усреднения вероятностей изменения в правительстве этой страны по данным в течение нескольких последних лет (Alesina *et al.* 1996).

Фиктивную переменную использовали также А. Айзен и Ф. Вейга в исследовании «Ведет ли политическая нестабильность к повышению инфляции? Панельный анализ» (Aisen, Veiga 2006). Эта переменная принимала значение 0, если количество государственных переводов превышало 7, и 1 – в противоположном случае. В работе «Как политическая нестабильность влияет на экономический рост?» эти же авторы использовали для измерения уровня политической нестабильности количество новых назначений премьер-министра в год, а также долю новых представителей в кабинете министров (*Idem* 2013).

Исследователи Н. Кампос и Дж. Наджент в работе «Кто опасается политической нестабильности?» построили и применили два показателя для измерения политической нестабильности: один –

для умеренной, а другой – для серьезной нестабильности (Campos, Nugent 2002).

В 2002 г. А. Фосу в исследовании «Трансформирование экономического роста в развитие человека в странах Африки к югу от Сахары: роль нестабильности политической элиты» использовал сводный индекс для измерения политической нестабильности, учитывающий количество успешных переворотов, которые привели к передаче власти и изменениям в правительстве (Fosu 2002). Успешные перевороты, которые привели к изменениям в правительстве, также использовались как мера политической нестабильности авторами Д. Гура и Б. Мерсеро в исследовании «Политическая нестабильность и рост: Центрально-Африканская Республика» (Ghura, Mercereau 2002).

Отметим, что Т. Азенг и Т. Його в упомянутой выше публикации 2015 г. приводят в том числе обзор разных методов измерения политической дестабилизации (Azeng, Yogo 2015).

По теме связи уровня образования и терроризма также существует ряд научных работ, более того, это достаточно популярная тема для исследований в данной области.

Одними из наиболее авторитетных исследователей, изучающих происхождение терроризма, являются коллеги Алан Крюгер и Житка Малечкова. В большинстве других работ, посвященных данному вопросу, авторы ссылаются на их публикации. Одной из наиболее цитируемых является статья «Образование, бедность, политическая жестокость и терроризм: есть ли причинная связь?» (Krueger, Maleckova 2002). На основе результатов анализа ряда биографий авторы этой работы делают вывод, что участники организации «Хезболла» в Ливане происходили из экономически благополучных семей и имели относительно высокий уровень образования. Исследователи, однако, подчеркивают, что это отдельный случай, и подобные выводы не могут быть рассмотрены как обобщенные.

Аналогичный результат тем не менее был получен Клодом Берреби в работе «Доказательства взаимосвязи между образованием, бедностью и терроризмом среди палестинцев»: и высшее образование, и относительно высокий уровень жизни оказались позитивно связаны с членством в террористических организациях ХАМАС и PIJ (Berrebi 2007).

В исследовании «Качество террора» его автор Буэно де Мескита из Университета Вашингтона пишет о том, что в активную действующую группу в террористической организации, как правило, с большей вероятностью входят люди с наиболее высоким уровнем образования (de Mesquita 2005).

Абделазис Тестас в работе «Детерминанты терроризма в мусульманском мире: эмпирический поперечный анализ» оценивает факторы, лежащие в основе терроризма, на примере данных 37 мусульманских стран (Testas 2004). На основе эмпирических данных он разработал многомерные регрессионные модели, и проведенный таким образом анализ показал положительную взаимосвязь уровня образования с уровнем терроризма. Автор рекомендует правительствам мусульманских стран уделить внимание изменению негативного отношения населения к нерелигиозному образованию и особенно – преподаванию социальных наук.

В то же время существует ряд научных работ, авторы которых получили иные результаты.

Сара Брокхофф, Тим Кригер и Даниэль Миеррикс в своей работе «Связи, которые не связывают (напрямую): пересмотр взаимосвязи образования и терроризма» провели анализ на материале данных о 118 странах с 1984 по 2007 г. (Brockhoff *et al.* 2010). Он показал, что образование и терроризм не имеют прямой связи – образование не способствует и не препятствует развитию терроризма само по себе. Однако оно может повышать его уровень при неблагоприятных политических и социальных условиях и понижать – при благоприятных. Таким образом, эффект влияния образования на терроризм, по результатам данного исследования, зависит от конкретных условий в стране. Методом исследования был выбран регрессионный анализ. Уровень образования был представлен несколькими группами (окончившие среднюю школу, старшую школу и получившие высшее образование). Также для анализа были использованы данные о доле студентов в общем населении, доле молодежи (людей в возрасте от 10 до 29 лет). Зависимые переменные в эмпирической модели были представлены количественными переменными, такими как количество террористических атак или количество жертв.

Продолжая свое исследование, пять лет спустя эта группа авторов издала статью «Большие надежды и трудные времена: (нетри-

виальное) влияние образования на внутренний терроризм» (Brockhoff *et al.* 2015). Они подчеркивают, что мнения о взаимосвязи образования и терроризма разделяются. Существует предположение, что образование создает «иммунитет» против террористической пропаганды (это мнение в некоторой степени созвучно, например, названной выше работе «Связи, которые не связывают (напрямую): пересмотр взаимосвязи образования и терроризма», где респонденты с более высоким уровнем образования показали большее неприятие к насилию). С другой стороны, образование может повышать «производительность» и «эффективность» террористических организаций с помощью высокообразованных участников. Авторы статьи, в свою очередь, считают оба этих мнения осмысленными, так как конечный эффект образования на терроризм зависит от конкретных обстоятельств. Эта идея, высказанная уже в их более ранней работе, подкрепляется данным исследованием 2014 г. На этот раз группа ученых проанализировала влияние образования на терроризм для 133 стран в период с 1984 до 2007 г. Не нашлось никаких доказательств того, что образование влияет на терроризм по всем направлениям. Образование на низких уровнях (начальное) приводит к усилению терроризма для ряда стран с напряженными социально-экономическими условиями; в свою очередь, высшее (университетское) образование снижает уровень терроризма для целого ряда стран с благоприятными условиями. Эти результаты, по мнению авторов статьи, показывают, что само по себе образование не всегда может являться средством противодействия терроризму. Развитие образования должно сопровождаться внутренними и международными усилиями по улучшению социально-экономических, политических и демографических условий в странах, где эти условия неблагоприятны.

Отечественные исследователи А. А. Акаев, И. А. Васькин, А. В. Коротаев и С. В. Цирель в своей новой работе «Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование», публикуемой на страницах данного ежегодника, изучают взаимосвязь продолжительности образования с интенсивностью терактов, применяя для этого разные статистические методы (Акаев и др. 2017). Дисперсионный анализ с разделением данных о количестве лет, затраченных на обучение, по децилям,

показал, что «до уровня 6–7 средних лет обучения наблюдается выраженная тенденция к росту террористической активности с повышением образованности населения, после наступает резкий спад». Применение регрессионного анализа привело исследователей к выводам о том, что взаимосвязь уровня образования и терроризма проявляет себя по-разному в зависимости от уровня образовательной модернизации страны. Так, повышение уровня охвата образованием населения в наименее модернизированных в плане образования странах приводит к усилению интенсивности террористической деятельности. В развитых странах – напротив. Таким образом, для них повышение охвата населения образованием может быть инструментом политики, направленной против развития терроризма, особенно в совокупности с понижением уровня безработицы, экономического неравенства и других факторов.

Исследователь Клэр Ричардсон в работе «Теория относительной депривации в терроризме: исследование высшего образования и безработицы как предсказателей терроризма» проанализировала данные о террористических атаках с 1980 по 2008 г. в 56 странах, чтобы выяснить, существует ли положительная взаимосвязь между безработицей и высшим образованием с количеством террористических актов (Richardson 2011). Уровень безработицы и численность населения, по результатам данного исследования, оказались сильно коррелированными с увеличением числа случаев терроризма, однако высшее образование не обнаружило с ним существенной связи. Иллюстрируя полученный результат, исследователь цитирует остроумное высказывание журналиста из *New York Times* Николаса Кристофа: *The antonym of 'militant' is often 'job'*. – «Часто антоним “мятежника” – это “работа”».

Автор данного научного исследования также подчеркивает, что представление большинства людей о террористах как о выходцах из самых бедных и социально уязвимых слоев населения является ошибочным. Напротив, исследования показывают, что эти люди, как правило, происходят из более высокообразованных и экономически благополучных семей, чем население их страны в среднем. Какие обстоятельства, кроме чистого отчаяния, могут заставить человека стать террористом? Пытаясь ответить на этот вопрос, автор обращается к теории относительной депривации (relative

deprivation theory), однако отмечает, что для ее проверки на микроуровне более подходящим методом является анализ результатов опросов. Суть этой теории заключается в том, что у человека может быть потребность иметь те же блага, что и окружающее его общество. Для современного общества такими благами являются, например, автомобили и технические устройства, которые еще несколько десятилетий назад были редкостью, и поэтому большинство людей не испытывали в них потребности. Глобализация и, как следствие, обширное представление об уровне жизни в других странах могут усиливать потребность человека в таком же уровне жизни.

Житка Малечкова и Драгана Станишич в статье «Повышает ли высшее образование поддержку терроризма?» изучают отношение жителей 16 стран Ближнего Востока, Азии и Африки с преимущественно мусульманским населением к терактам смертников (Malečková, Stanišić 2013). Результаты исследования были основаны на данных опросов. Они показали, что доля образованных людей среди опрошенных, оправдывающих подобные явления (независимо от пола и возраста), значительно коррелирует с числом международных террористических актов, совершаемых резидентами этой страны. Таким образом, авторы делают вывод, что общественное мнение может оказывать влияние на терроризм, высшее образование же, в свою очередь, вероятно, не является действенным средством политики, направленной против развития терроризма.

В заключение обратим внимание на две обзорные статьи на тему происхождения терроризма. Одна из них – работа исследователя Минервы Насер-Эддин и ее коллег «Противодействие жестокому экстремизму (CVE): литературный обзор», авторы которой описывают разные подходы к изучению экстремизма, а также делают краткий обзор ключевых исследований по разным направлениям данной темы (Nasser-Eddine *et al.* 2011). Они затрагивают в том числе упомянутую выше теорию относительной депривации, а также тему взаимосвязи экстремизма с высшим образованием. Авторы подчеркивают, что, исходя из результатов ряда исследований, экстремизм не является следствием бедности или малообразованности.

Работа «Что является причиной терроризма?» исследователей Тима Кригера и Даниэля Миеррикса также представляет собой об-

зор научных работ на тему происхождения терроризма, в частности, транснационального терроризма (Krieger, Meierrieks 2011). Помимо описания существующих публикаций, авторы высказывают свое мнение об адекватности каждого подхода и свое видение того, каким образом следует продолжать исследования в данном направлении. Факторы, изученные в данных работах, они разделили на группы – экономические, политические, демографические и ряд других. Среди социально-экономических причин исследователи выделили в том числе уровень образования, который в перечисленных авторами публикациях был представлен уровнем грамотности и количеством лет, затраченных на обучение. По их мнению, взаимосвязь образования и терроризма на данный момент не может считаться подтвержденной, несмотря на большое количество работ по этой теме. Исследователи приводят в пример научные работы, результаты которых являются противоположными (в некоторых случаях уровень образования имеет прямую связь с терроризмом, в других – обратную), что можно объяснить, с их точки зрения, разными подходами к измерению уровня образования. Авторы подчеркивают, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении.

Следовательно, образование, оказывая безусловно положительное влияние на ряд показателей, например, ожидаемую продолжительность жизни, вероятно, может иметь неоднозначное влияние на уровень социально-политической дестабилизации. Результаты описанных выше исследований показывают, что характер этого влияния зависит от некоторых других условий в данном обществе, а также может по-разному проявлять себя на разных уровнях образования. Исследователям предстоит провести большую научную работу по выявлению этих условий, которые в совокупности с определенным уровнем образования позитивно или негативно влияют на социально-политическую дестабилизацию, и самих механизмов, объясняющих эти взаимосвязи.

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017. Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–36.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Малыженков С. В., Коротаев А. В. 2017.** Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 4(87): 35–47.
- Гринин Л. Е., Малыженков С. В., Билюга С. Э., Коротаев А. В. 2017.** О росте числа студентов как возможном факторе социально-политической дестабилизации: количественный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 83–99.
- Иванов В. Г. 2011.** «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. I. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»* 4: 5–28.
- Иванов В. Г. 2012.** «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. II. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»* 1: 35–56.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность (опыт количественного кросс-национального анализа). *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 3(82): 31–51.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс-Традиция.
- Aisen A., Veiga F. J. 2006.** Does Political Instability Lead to Higher Inflation? A Panel Data Analysis. *Journal of Money, Credit, and Banking* 38(5): 1379–1389.
- Aisen A., Veiga F. J. 2013.** How does Political Instability Affect Economic Growth? *European Journal of Political Economy* 29: 151–167.

- Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel P. 1996.** Political Instability and Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 1(2): 189–211.
- Azeng T. F., Yogo T. U. 2015.** Youth Unemployment, Education and Political Instability: Evidence from Selected Developing Countries 1991–2009. *Households in Conflict Network* 200.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link Between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 1–36.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2010.** *Ties That Do Not Bind (Directly): The Education-Terrorism Nexus Revisited*. Working Paper No. 2010-02.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2015.** Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 59(7): 1186–1215.
- Campos N. F., Nugent J. B. 2002.** Who is Afraid of Political Instability? *Journal of Development Economics* 67(1): 157–172.
- Fosu A. K. 2002.** Transforming Economic Growth to Human Development in Sub-Saharan Africa: The Role of Elite Political Instability. *Oxford Development Studies* 30(1): 9–19.
- Ghura D., Mercereau B. 2004.** Political Instability and Growth: The Central African Republic. *International Monetary Fund* 4.
- Hall R. L., Rodeghier M. 1994.** More is Sometimes Less: Education's Effects on Tolerance. *The Review of Education/Pedagogy/Cultural Studies* 16(3–4): 297–314.
- Hall R. L., Rodeghier M., Useem B. 1986.** Effects of Education on Attitude to Protest. *American Sociological Review* 51(4): 564–573.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. 2018.** GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 53 (forthcoming). URL: <https://doi.org/10.1177/1069397117732328>.
- Krieger T., Meierrieks D. 2011.** What Causes Terrorism? *Public Choice* 147(1): 3–27.
- Krueger A. B., Maleckova J. 2002.** Education, Poverty, Political Violence and Terrorism: Is There a Causal Connection? *National Bureau of Economic Research*. No. 9074.
- Malečková J., Stanišić D. 2013.** Does Higher Education Decrease Support for Terrorism? *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 19(3): 343–358.

- Mesquita E. B. de 2005.** The Quality of Terror. *American Journal of Political Science* 49(3): 515–530.
- Nasser-Eddine M., Garnham B., Agostino K., Caluya G. 2011.** Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review. *Defence Science and Technology Organisation Edinburgh (Australia)* Dsto-TR-2522.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Richardson C. 2011.** *Relative Deprivation Theory in Terrorism: A Study of Higher Education and Unemployment as Predictors of Terrorism*. New York, NY: Politics Department, New York University.
- Rodeghier M., Hall R. L., Useem B. 1991.** How Education Affects Attitude to Protest. *The Sociological Quarterly* 32(2): 277–288.
- Testas A. 2004.** Determinants of Terrorism in the Muslim World: an Empirical Cross-sectional Analysis. *Terrorism and Political Violence* 16(2): 253–273.